

УДК 159.922.4=826+159.923.2

НАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ КАК ОБЪЕКТЫ ОСМЫСЛЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

О.И. ДАВЫДИК

(Институт философии НАН Беларуси, Минск)

Рассматриваются проблемы, связанные с изучением понятий «нация» и «национальное самосознание» в глобализирующемся мире. Отмечается основная коллизия, наблюдаемая на уровне изменения содержательных аспектов этих понятий в европейском философском дискурсе в соответствии с современными условиями изменения социальной структуры. Показано, что применительно к белорусскому контексту в этом отношении обнаруживается своеобразный «разрыв» на уровне базисных аспектов, включаемых и исключаемых из процесса идентификации субъекта внутри национального образования. Предпринимается попытка вычленения оснований преодоления конфликта этноцентризма и гражданского национализма, которые являются принципами формирования национальной целостности.

Введение. В последние годы в отечественном философском пространстве значительно активизировались дискуссии о методологических основаниях изучения сущности и динамики национального самосознания, причем как в исторической его ретроспективе, так и на современном этапе развития. На наш взгляд, это обусловлено в первую очередь напряженной ситуацией пребывания белорусской нации перед необходимостью непростого геополитического и цивилизационного выбора в условиях ускоряющейся интеграции в мировое сообщество. В контексте стратегических программ Восточноевропейского партнерства и Евразийской интеграции особенно явно ощущается потребность в переосмыслении прежних мировоззренческих оснований, в анализе проблематики, касающейся понятий «нация» и «национальная идентичность».

Уже в первом приближении можно выделить такую наметившуюся сегодня тенденцию в развитии национального самосознания белорусов, как своеобразный поворот от *этноцентризма* к *гражданскому национализму*. Под последним понимается совокупность социально-политических практик, в рамках которых формирование нации и национального самосознания происходит в первую очередь на уровне низовых инициатив, а образование локальных сообществ по принципу самоорганизации способствует перспективному формированию и адаптации идей национального самосознания. При этом этноцентризм, или этнический национализм, который, постулируя примат языка, традиции, религии и истории, фундирует общественную систему через понятие *патриотизма* как приверженности «корням», часто квалифицируется сегодня как конфликтогенный фактор развития социального (в том числе постсоветского) пространства. Гражданский же национализм в качестве равновесной силы осмысливается как базирующийся на примате гражданской ответственности, выбора, автономии и солидарности. Однако на самом деле обозначенные феномены представляются не столь однозначными, но многоуровневыми, внутренне противоречивыми, предопределяющими на современном этапе точки напряжения и деформации социального пространства. Поэтому они нуждаются в дальнейшем углубленном научном изучении, а маркирующие их понятия – в детальном анализе и четкой дефиниции. Поэтому обратимся подробнее к обозначенным понятиям.

В настоящее время «националистическими» называют, как правило, те движения, которые делают акцент на этнонационализме. Согласно этническому национализму нация является фазой развития этноса. Утверждается, что любая нация имеет этническое ядро. Этнический национализм фокусирует своё внимание на «органическом единстве» образующих нацию людей, которое может иметь культурную или генетическую природу. С этой точки зрения членов нации объединяет общее наследие, язык, религия, традиции, история, кровная связь на основе общности происхождения, эмоциональная привязанность к земле, в результате чего все вместе они образуют один народ или сверх-семью, кровнородственное сообщество.

В свою очередь, гражданский национализм утверждает, что легитимность государства определяется активным участием его граждан в процессах принятия политических решений, т.е. степенью, в которой государство представляет «волю нации». Основным инструментом для определения воли нации является плебисцит, который может иметь форму выборов, референдума, опроса, открытой общественной дискуссии и т.д. При этом принадлежность человека к нации определяется на основе добровольного личного выбора и отождествляется с гражданством. Людей объединяет их равный политический статус как граждан, равный правовой статус перед законом, личное желание участвовать в политической жизни нации, приверженность общим политическим ценностям и общей гражданской культуре.

Для Беларуси на современном этапе проблема столкновения этих двух направлений пока не приобрела радикального характера, хотя дискуссии о том, из каких оснований исходить при решении про-

блемы консолидации общества и формирования национальной идеи, ведутся, и по многим вопросам происходит разделение мнений. В этой связи нельзя игнорировать тот очевидный факт, что теория и практика национальной консолидации на определенных принципах может породить радикальные точки зрения и привести к дестабилизации общественной системы.

Ретроспекция понятий «нация» и «национальное самосознание». Для выработки оптимальной модели конструирования национального самосознания необходимо, в первую очередь, обратиться к самим понятиям «нация» и «национальная идентичность». Постановка вопроса об определении нации предполагает погружение в категориальный контекст, выработанный в парадигмальном поле модерна. Прежде всего, это установка эссенциализма и конструктивизма. В первом случае осуществляется поиск оснований, которые станут определяющими для членов сообщества в их способе установления диалога с глобальным миром; во втором – установление определенных практик и техник (онтический уровень политики), которые позволяют перераспределять политическое влияние. На онтологическом уровне это означает символическое установление общества (Ш. Муфф), поиск оснований, по которым осуществляется конструирование воображаемого Другого. Отсюда возникает политика идентичностей (А. Шлезингер,

Э. Хобсбаум, Л. Кауфман, Т. Моррисон и др.), где происходит установление различий и порядок (З. Бауман) взаимоотношений с властью. Эта установка вступает в противоречие с теориями мультикультурализма (С. Бенхабиб), так как фиксирует жесткие правила и стратегии реализации практик себя (Ч. Тэйлор).

Для прояснения тех оснований, которые обуславливают социально-политическое и культурно-историческое развитие понятия нации на современном этапе, стоит обратиться к античному пониманию общества (*nation, gens, civitas*), философии истории Г.В.Ф. Гегеля (*Volksgeist*), теориям наций (*Volk*), возникающим в немецком романтизме (Г.И. Гердер), а также современным теориям наций (Э. Смит, Э. Геллнер).

В античности существовало три понятия для определения сообществ людей: *natio, gens, civitas*. Однако такой связи между сообществом людей и общностью территории, языка и экономической деятельности, которая возникает в Новое время, не существовало. Понятием *natio* обозначалась общность происхождения для свободных граждан и рабов (*nation liber* и *nation servus*). В Римской империи понятия *natio* и *civitas* имели разную нагрузку: последнее относилось к сообществам людей, объединенным в одной политической системе, и, по сути, обозначало гражданское общество. Понятия *natio* и *gens* с разными характеристиками использовались для установления разности происхождения. Таким образом, в античности существовало очень важное отделение гражданского общества, задействованного в политической жизни, от родового происхождения. В средневековой Речи Посполитой родовая принадлежность (*natio*) устанавливалась по лояльности к двум династическим ветвям: польской или литовской. Критерии вероисповедания, языка, территории не имели определяющего значения [1, с. 51].

Это очень важное разделение было пересмотрено в Новое время, с возобладанием национальных языков, эмансипацией национальных культур и пр. Нация становится символом освобождения от имперских претензий и приходом к самоопределению народов внутри национального образования. Однако И. Кант замечает, что нацию составляют только те, кто занимает соответствующее место в обществе. Для обозначения целостности у него возникает понятие *populus*, которое разделяется на *gens* и *vulgus*, где последние не входят в понятие нации. При этом понятие нации у И. Канта носило правовой характер. При равноправности каждого перед законом, в том числе и суверена, который всегда поступает правильно, так как подчиняется закону, для И. Канта было важно космополитическое установление свободы. Для него по-прежнему, в духе французского Просвещения, остаются за пределами сцены языковая и этническая принадлежность тех, кто в действительности составляет нацию. Как комментирует И. Канта С. Жижек в книге «Устройство разрыва. Параллаксное видение», такая космополитическая необходимость заключается не в простом выходе гражданства национального на транснациональный уровень, но в снятии «органической» этнической субстанции в пользу всеобщей сингулярности [2, с. 18].

С конца XVIII века в понятие нации вкладывается значение политической миссии, отстаивание прав и свобод тех, кто принадлежит к национальному единству, а также появляется понятие исторического значения нации. Впоследствии усиливается роль национального языка, который принимает форму стандартизированного, всеобщего и необходимого элемента коммуникации внутри национального государства.

Важно, что Г.В.Ф. Гегель в «Энциклопедии философских наук» отмечает необходимость оформления субъекта, что имеет значение и обретает конкретность только в рамках нации и национального государства. Человек является таковым только как англичанин, немец и пр. Установление мирового гражданского общества – это абстракция, лишенная всякого основания. С границами государственности связана историчность нации, которая является определяющей в развитии нации. «Народ без государственного устройства (нация как таковая) не имеет, собственно, никакой истории, подобно народам, существующим еще до образования государства, и тем, которые еще и поныне существуют в качестве диких наций» [3, с. 368]. Абсолютный дух не находит отражения в частных делах индивидов, которые не складываются в историю как таковые. Только дела, совершающиеся на уровне народа, имеют влия-

ние на государственный уровень и создают исторический континуум существования национального государства. Таким образом, историчность или не-историчность народа выражается в существовании государственного строя, который отражает объективный дух времени и народа (нации). Через государственный строй нация становится причастной к объективной истине. Интерес же к биографическим индивидуальным подробностям противоречит общей цели и понятиям вкуса. Так, через утверждение государства как историчности Гегель легитимирует нацию в качестве объективной причины для свершения исторической миссии. По сути, посредством раскрытия в государственности абсолютного духа («Weltgeist») происходит разворачивание национальной идеи, национального духа в нации («Volkgeist»). Нация в понимании Гегеля, народ (Volk) является включенной в исторический процесс по необходимости быть вовлеченной в познание свободы. Однако в своем политическом анализе наций Гегель не касался вопросов этничности и языка.

Вовлечение в национальный вопрос проблем, узко связанных с национальной культурой, языком, этносом произошло в немецком романтизме. В своем сочинении «Идеи к философии истории человечества» И.Г. Гердер отмечал: «А кроме того, одна потребность еще и не рождает культуры, если даже в народе спят силы, которые ждут своего развития, как только человеческая леность примирится с недостатком и произведет на свет дитя, имя которому – спокойная жизнь, человек готов жить по-старому, и его лишь с трудом можно заставить что-то изменить и улучшить. Итак, необходимо, чтобы воздействовали и другие причины, определяющие образ жизни, какой ведет народ...» [4, с. 206]. И далее: «Человек не рождает себя сам, не рождает он и свои духовные силы. Сам зародыш – наши задатки – генетического происхождения, как и строение нашего тела, но и развитие задатков зависит от судьбы; судьба поселила нас в той или иной земле и приготовила для нас средства воспитания и роста. Нам пришлось учиться даже смотреть и слушать, а что за искусство требуется, чтобы научиться языку, главному средству выражения наших мыслей, – не тайна ни для кого. Весь механизм человека, характер возрастов, длительность жизни – все таково, что требует помощи извне...» [4, с. 228 – 229]. Идея И.Г. Гердера заключается в том, чтобы показать, как культурные сообщества получают свою уникальность за счет языка, который в свою очередь развивается в недрах социального. Из этого И.Г. Гердер выводит политическое обоснование включенности каждой уникальной культурной группы в мировой процесс репрезентации и участия как культурной общности в системе политических отношений. Однако эта система репрезентации носит характер, скорее, непознанной судьбы, смысл и значение которой раскрывается посредством внешнего воздействия. Таким образом, обосновывается позиция политической включенности каждого индивида, но побуждение к этому – «некий высший максимум взаимодействующих сил», результатом которого является постепенное формирование добродетелей, присущих той или иной нации. Следовательно, приход к определенному типу национального самосознания и типу национального устройства являет собой как принцип реальности, так и некий этический горизонт, набор максим которого обусловлен не только индивидуальным сознанием, но и объективными факторами (местом, временем и типом исторического развития).

Модерный проект наций и его судьба в социально-критической теории. Модерный проект наций ознаменовался как особый проект освобождения и признания культурных и политических особенностей внутри определенного сообщества. Вместе с установлением культурной уникальности и признанием особого «духа» народов, который неизменен, историчен и является внутренним импульсом к развитию нации, модерный проект также стал программой политизации национального потенциала. С развитием социально-критических теорий (Франкфуртская школа, постмарксистские проекты и др.) конструкт «нация» стал особым пунктом властного напряжения, идеологически конструируемой моделью отношений

«государство – общество», где есть место упорядоченности, установлению конечных смыслов, значимых для нации понятий.

В модерную эпоху произошло движение в сторону разделения позиций государства и общества, в сторону создания «сильного» понятия общества, основанного не на «механической», а «органической» солидарности; оформляется социологический субстрат, «квазисубъект», который рационализируется. Особенную роль в этом плане отводят школам структурного функционализма, Франкфуртской школе, теории закрытого и открытого общества и пр. Например, популярная в Америке теория социального действия Т. Парсонса объясняет общественную систему с точки зрения функционирования четырех сепарированных структур: культурной, политической, социальной и экономической [5]. Согласно Т. Парсонсу, главным критерием перехода наций в модерную эпоху выступает признак дифференциации основных систем общества. В свою очередь, представители Франкфуртской школы, осуществляя критику модерной нации, видят в ней источник тоталитарных систем и авторитарной личности. Сложившаяся общественная система с ее ценностными ориентациями и институтами представляет собой монолитную бесклассовую структуру, где ведущую роль занимают популярная культура, практика потребления и сред-

ства массовой информации, которые формируют массовое сознание. Ключевая роль, революционная, отводится интеллигенции и аутсайдерам, однако в условиях дегуманизации общества всегда есть риск возникновения авторитарных режимов, и современная нация создает для этого все условия.

Наиболее полная картина складывается, когда разговор о «модернити» ведется в сравнении с постмодерном и глобализацией. Полагается, что именно рационализация общественной системы, ее функционализация приводит к исчезновению общества, нации как реальности. Именно в мысли постмодернизма обнаруживается тенденция к критическому переосмыслению общественной системы, к разрушению представления о самом существовании общественной системы в том виде, в каком ее заложил модерн. Постмодерн, таким образом, провозглашает тезис о «конце социального» и «конце модерна», в чьей исторической перспективе только и могло возникнуть само понятие социального. Новая парадигма берет на себя интерпретативные функции, а не законодательные в области построения объяснительных моделей социального устройства.

Последующие рефлексии над понятием «нации» привели к мысли о том, что в современных условиях оно настолько же конструируемо, как и сама реальность. Значение в этом процессе имеет понятие *порядка* и установления *различий*. Так, З. Бауман в книге «Индивидуализированное общество» анализирует практику установления Порядка, где последний является определенной практикой мышления, равно как и культурной стратегией классификации, объединения в группы, установление границ, классов, родов, пр. Таким образом, разрабатывается культура различий, которая является продуктом подобной мыслительной практики, но не его мотивацией [6]. Центральное место в анализе практик Порядка отводится концепции «закрытой системы» бюрократического института Крозье, которые осуществляют властные механизмы посредством порядка и рутинности своих действий. В бюрократической системе понятие Порядка используется в качестве дискредитации Чужого в качестве хаотичного и бессвязного образования. В этом смысле глобализация является тем неподконтрольным явлением, которое невозможно удержать в рамках одной государственной системы средствами бюрократии. Отсюда у З. Баумана возникает *концепция нового мирового беспорядка* взамен мировому порядку. Таким образом, мир больше не вписывается в планы, стратегии, расчеты, в нем проявляются стихийные, бесконтрольные события, которыми не могут управлять «люди за пультом».

Мир упорядоченный – это мир без свободной мобильности и возможностей проявления силы. Все большая глобализация мира, стихийно устанавливаемые связи приводят к виртуализации пространства. Это становится еще одной причиной возрастания хаоса, так как происходит девальвация места, что означает размывание значения локализации в определенном пространстве какой-либо группы – всякое установление связей может происходить в киберпространстве. Это принципиальным образом меняет представление о том, что представляет собой реальность. Национальные государства, капитал и пр. сохраняют принципиально иной образ реальности, оформляющийся в рамках деспотии Порядка и установления различий, которые конструируются, исходя из идеологических принципов и национальной идеи.

Наравне с этим, в поле зрения остается проблема идентичности и власти в «постмодернити». Тезис Х. Арндт про пустое политическое пространство [7] отсылает к такому пониманию политической реальности, в которой нет ни единого центра, ни той структуры, которая бы выступала в качестве одного нормативного регулятора всех политических конфликтов. То же происходит и с государственным аппаратом, который утрачивает целостный эффект от своей деятельности, становясь сегментированным. В образовавшемся политическом вакууме возникают новые силовые импульсы – *неотрайбалистские сообщества*, которые образуют полифонию современности.

Таким образом, политическое пространство становится полем для участников с абсолютно противоположными мировоззренческими установками. С одной стороны, на арене присутствуют национальные государства, в которых коллективное сознание отличается склонностью к самоцензуре, а управляющий аппарат сохраняет апелляцию к защищенности только внутри нации и внешней угрозе.

Обращаясь к понятию культурной идентичности, следует отметить его тесную связь с так называемыми *cultural studies*, или «культурными исследованиями», которые фактически и являются источником происхождения этого термина. Наиболее известным исследователем в данной области является Стюарт Холл – отец понятия «культурный поворот», который посвятил этой теме более сорока лет, возглавляя Центр Современных Культурных Исследований при Бирмингемском университете. Ключевым моментом теории С. Холла является осмысление принципов функционирования идеологии, политики и культуры согласно с принципами и правилами языка. Большинство критических замечаний в этом плане, по мнению С. Холла, связано с недостаточной разработанностью роли материальных и социальных детерминант культуры. Вообще, сама проблема идентичности, по мнению многих теоретиков, постоянное к ней возвращение связано с так называемым кризисом идентичности, когда назревает необходимость по-новому осмыслить и закрепить ее константные значения. С другой стороны, вместе с глобализационными процессами нарушаются координаты культурных сфер, само понятие культурной идентичности становится проблематичным, в котором невозможно до конца определить его значение, а также зафиксиро-

вать континуальность и историчность идентичности. Это понятие размывается посредством интенсивности глобальных культурных конфронтаций. К тому же понятие идентичности расширяется посредством дополнительного тематизирования, которое осуществляется различными новыми движениями феминизма, проблематизацией этничности, сексуальной ориентации, европоцентризма, постколониальной и постнациональной теориями. Таким образом, констатируется, что не существует определенной предустановленной эссенции «Себя», которая могла бы быть репрезентирована или высказана: вместе с субъективностью идентичность выстраивается внутри дискурса. Таким образом, необходимо обратить внимание на то, что, согласно С. Холлу, не существует целостного субъекта, который был бы идентичен самому себе в потоке времени, так как идентичность фрагментарна, нестабильна и случайна, ибо опосредуется, помимо всего прочего, личностью Другого.

Осмысление идентичности приводит к партикуляризму. Многие из аналитиков отрекаются от анти-эссенциалистской позиции, которой придерживается С. Холл, и склоняются к необходимости выработки более универсальных подходов к идентичности.

Лишая идентичность предустановленной сущности, С. Холл перенимает видение языка Ф. Соссюра (С. Холл переносит принципы функционирования языка на формирование культуры): в пространстве языка нет позитивно стабильных значений, только различия. Таким образом, для С. Холла в понятии культурной идентичности нет никакой генетической сущности, которая может быть эксплицирована как «плавающее означаемое», чьи значения никогда не будут зафиксированы. Отсюда идентичность конструируется через дискурсивные практики гендера, расы, которые не являются биологическими категориями и не совпадают с естественными константами, могущими зафиксировать культурную идентичность. Из этого возникает понимание того, что категории правды и лжи не соотносятся с понятиями гендера, расы, исторической справедливости и социального детерминизма: идентичность только артикулируется в разных дискурсивных практиках. Далее С. Холл отмечает, что культурная идентичность является равно как делом «становления», так и делом «бытия-в-состоянии», так как она одновременно связана с прошлым и будущим. Поэтому культурная идентичность имеет историческое измерение, так как нельзя забывать о тех «скрытых историях», которые обеспечивают базирование культурной идентичности на определенном материале, но как всякий исторический момент, она подвержена трансформации. Холл связывает свои надежды с *новой человеческой субъективностью*, которая могла бы существовать в условиях нового культурного окружения. По его следам идут многие современные теоретики (Морли, Робинс, Бхабха), которые утверждают, во-первых, динамическую роль идентичности, во-вторых, привычную форму существования людей в качестве множественности форм идентичности, которые ждут того, чтобы быть сконструированными и актуализированными; в-третьих, в повседневности обычно люди эксплицируют не только материальные потребности, но и свое символическое место в мире.

Таким образом, культурная идентичность как одна из дискурсивных практик понятия «нации» является очень сложным и многогранным феноменом, с которым связано много современных дискуссий. Однако с возникновением множества националистических движений, социальных, политических, культурных сообществ и протестных образований, понятие культурной идентичности прочно входит в оборот дискурса о нациях и становится его неотъемлемой частью.

Белорусское национальное самосознание в современных европейских штудиях. Обращаясь к белорусскому социокультурному контексту, следует подчеркнуть, что процесс самоопределения белорусской нации стал предметом интереса не только философов, но и широкого круга интеллектуалов, социальных теоретиков, политологов, историков. Существует достаточный объем аналитических работ и статей, которые основаны как на теоретических положениях, так и в результатах тематических мониторингов (см. работы таких авторов, как: В. Булгаков, В. Фурс, О. Шпарага [8], В. Акулович, И. Бобков, А.С. Майхрович, В.М. Конон, С.А. Подокшин, Н. Бекус, Э.Н. Браун, Г. Йофэ, И. Гансун, И. Казакевич, Г. Миненков).

Не менее важными и интересными являются «внешние» исследования Беларуси и белорусского общества в работах зарубежных исследователей Т. Снайдера [9], Р. Радика и др., где прослеживаются пути формирования белорусской нации на границе образования трех самостоятельных культурно-исторических пространств, образовавшихся с разделом Речи Посполитой. Иными словами, Беларусь не берется как отдельный национальный анклав, а рассматривается в качестве самостоятельной части, не совпадающей с целым, но являющейся неотъемлемо вписанной в определенный культурно-исторический и политико-экономический контекст: самоопределение нации в новых постсоветских условиях осуществляется через соотнесение с польско-литовско-украинским регионом.

Теоретическое осмысление вопросов, связанных с белорусским национальным самосознанием, всегда опирается в проблему классификации теоретико-методологических подходов. Связано это как с отсутствием оформленных школ, так и с неструктурированным дискурсом изучения белорусской нации, идентичности и белорусского национального самосознания. Основные теоретические веяния в изучении этих вопросов можно локализовать в направлениях модернизма, постмарксизма, конструктивизма, постмодернизма, посттоталитарной политической философии, либеральной теории. Наряду с этими течения-

ми, связанными с вопросами осмысления «политического» как такового, гражданского общества, гражданской, политической, национальной идентичности и пр., существуют также подходы, закладывающие в основу национального самосознания традиционные ценности и этнические начала.

Можно утверждать, что в современном национальном дискурсе существует теоретическое напряжение между этническим и гражданским национализмом, между вовлечением традиционных ориентиров определения национального самоопределения (через «корни», культуру, историю титульной нации) и гражданских, политических, экономических аспектов, сочетающихся с мировоззрением мультикультурализма и толеранции (*tolerance*). Так, ряд белорусских исследователей (А.С. Майхрович, В.М. Конан, С.А. Подокшин и др.), обращаясь к историческому наследию, апеллируют к зарождению национального самосознания на базе гражданственности и самоопределения нации через общественные интересы и вовлеченность каждого в процесс организации общества. С другой стороны, наличие исторических коллизий, связанных с разделением общего исторического наследия Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой, вовлекают в процесс изучения нации и национального самоопределения целый комплекс этнических аспектов (проекты «Крывія», «Цитадель» и пр.).

Если говорить о понимании белорусской нации, то следует выделить две тенденции осмысления современных процессов, рассматривающие белорусское общество в качестве современного, не прошедшего стадию постмодерного, а следовательно, не имеющего отношения к глобальной перспективе. При этом исследователи отмечают наличие объективных факторов, которые способствовали такому запаздыванию в XIX – начале XX века по сравнению с другими странами Центральной и Восточной Европы. Первая линия связана с констатацией, что общественный процесс очевидно демонстрирует, что в нем сильна власть традиционных ценностей, обнаруживается слабая консолидированность гражданского общества и размытость национальной идентичности. Общественная солидарность осуществляется не на уровне институтов гражданского общества, а на уровне идеологии, т.е. механически, а не органически. Включенность индивидуального сознания в исторический процесс развития нации скорее является производным, нежели реализованным на базе принципов патриотизма и социальной справедливости, которые в развитых обществах являются принципами формирования гражданского общества. Модерность белорусской нации проявляется в постулировании исторического субстрата, который определяется национальным характером, миссией, историческими событиями, приведшими к определенному типу политического устройства и хозяйствования, и пр. Вторая линия отмечает наличие признаков глобализации в белорусском обществе, связанных с присутствием здесь глобального бизнеса и гуманитарных организаций, образованием «цифровых сообществ», экспансией киберпространства, образованием стихийных сообществ и достаточно свободной миграции населения. Однако наличие данных факторов в силу разных причин не привело к формированию институтов гражданского общества, которые бы не носили формальный характер. Скорее, объединение граждан в сообщество осуществляется в виде неформальных образований, «низовых» инициатив, что является необходимым основанием, но недостаточным условием для преодоления этой механической сочлененности.

Заключение. Национальные процессы внутри локального государства не могут быть проанализированы без учета более широкого контекста. Само понятие нации, его многоуровневость и сложность его компонентов всегда требует фиксации самых разных теоретических составляющих и практических ориентаций. Важно учитывать, что, во-первых, сам исторический процесс оформления данного концепта свидетельствует о наличии множества внутренних противоречий, во-вторых, современное положение дел принуждает нас к обращению к множеству контекстов понятия «нация» и дискурсивным практикам, которые формируют его смыслы.

Наиболее значимым в современном обществе становится процесс создания *политической нации* как идеологически целостного образования, в котором индивиды осознают в большей степени свою принадлежность к некоей глобальности посредством участия в гражданском обществе, нежели акцентируют внимание на неких устойчивых культурных образованиях, способствующих разобщению общества по горизонтали. Это значит, что понятия патриотизма, социальной справедливости, социального блага должны формулироваться в недрах стихийно созданных гражданских инициатив, что позволит усилить роль общества в рамках нации и основать отношение «общество-государство» на паритетных началах.

Следует констатировать, что белорусское общество переживает сегодня состояние специфической «тревоги» по поводу процессов формирования нации и национальной идентичности. Это определяется тем обстоятельством, что феномен современной нации не является пройденным этапом в развитии современного мира. Модерность белорусской нации очевидна и выступает условием исторических событий и обстоятельств, которые будут преодолены лишь с развитием и усилением позиций гражданского общества, укреплением экономической свободы и вариативностью взаимоотношений «общество – государство». Нельзя, однако, говорить о модерности белорусской нации. Мы можем обнаруживать лишь следы и признаки модерности в условиях вхождения белорусского государства в глобальные формирования. Для бе-

лорусской национальной идентичности на сегодняшний день справедлива современная практика в той степени, в какой она проникнута, с одной стороны, определенным пафосом свободы от внешних ограничивающих факторов, а с другой – выраженными ограничениями внутри себя.

В рамках альтернативных проектов национальной идентичности предпринимаются попытки преодоления этой самоконсервации нации в новых политических и социальных условиях. Однако разрешение вышеобозначенного внутреннего противоречия ещё не носит системного характера ни на уровне образовательных программ и государственных проектов, ни на уровне общественных инициатив. При этом необходимо отметить, что одним из условий стабильности всех систем является их гармоничное поступательное развитие и взаимозависимое соотношение. На данном этапе такая стабилизация видится в усилении роли гражданского общества и формировании принципов социальной ответственности не на базе превалирования исторической целостности и исторических корней, а исходя из индивидуальной заинтересованности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгакаў, В. Гісторыя беларускага нацыяналізму / В. Булгакаў. – Вільня: Інстытут беларусыстыкі, 2006. – 331 с.
2. Жижек, С. Устройство разрыва. Параллаксное видение / С. Жижек. – М.: Европа, 2008. – 516 с.
3. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1974 – 1977. – Т. 3: Философия духа. – 1977. – 471 с.
4. Гердер, И.Г. Идеи к философии истории человечества / И.Г. Гердер. – М.: Наука, 1977. – 705 с.
5. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М.: Мысль, 1997. – 324 с.
6. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
7. Арндт, Х. Vita activa, или О деятельной жизни / Х. Арндт. – СПб., 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.belintellectuals.eu/library/book.php?id=195>. – Дата доступа: 03.12.2012.
8. Шпарага, О.Н. Пробуждение политической жизни: Эссе о философии публичности. – Вильнюс: ЕГУ, 2010. – 242 с.
9. Снайдер, Т. Рэканструкцыя нацый: Польшча, Украіна, Літва і Беларусь, 1569 – 1999 гг. / Т. Снайдер; пер. з англ. М. Раманоўскага і В. Калацкай. – Мінск: Медысонт, 2010. – 424 с.

Поступила 26.04.2013

NATION AND NATIONAL SELF-IDENTIFICATION AS OBJECTS OF COMPREHENSION IN EUROPEAN PHILOSOPHICAL DISCOURSE

V. DAVYDZIK

The problems, which are connected with the notions “nation” and “national self-identification” in globalizing world, are considered. The main collision is detected on the level of diversion of meaningful aspects of this notions in the European philosophical discourse according to contemporary conditions of changeable social system. Belarusian society still remains in the conflict between notion and reality of social life. A special thing in this case is strengthening of the conflict between ethnocentrism and civil nationalism. This article contains theoretical analyzing of this concepts and some propositions of avoiding the conflict of ethnocentrism and civil nationalism, which are the principles of formation of national integrity.